

СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНАЛИЗМ И АНАЛИЗ ДИСКУРСА

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьков)

Анализ дискурса на протяжении ряда последних лет прочно занимает одно из ведущих мест среди наиболее распространенных подходов и объектов изучения современной лингвистики, социологии, психологии. В рамках когнитивно-коммуникативной (когнитивно-прагматической) лингвистической парадигмы мы трактуем дискурс как интегральный феномен, мыслекоммуникативную деятельность, представляющую как совокупность процесса и результата и включающую как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект, в котором помимо текста выделяются пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств [4, с. 38]. Истоки такого понимания дискурса лежат, помимо прочего, в трех философских и социологических теориях: критическом дискурс-анализе Ю. Хабермаса, социальном конструктивизме, символическом интеракционализме. Данная статья продолжает серию публикаций об источниках теории дискурса, начатую нами рассмотрением теории Ю. Хабермаса в лингвистическом ракурсе [5], и обращается к рассмотрению принципов символического интеракционализма применительно к речевой коммуникации.

Объектом изучения в данной статье является теория символического интеракционализма как одна из предпосылок анализа дискурса, в целом и, в частности, ее использование в лингвистическом анализе институционального дискурса, что составляет цель исследования и определяет его актуальность.

Символический интеракционализм как направление в философии появляется и получает глубокое обоснование в трудах Г. Блумера, Дж. Дьюи, Ч. Кули, Дж.Г. Мида, [7; 9; 8; 11; 12], хотя своими корнями он восходит к идеям прагматизма и бихевиоризма. В философском прагматизме для символического интеракционизма существенны критерий *полезности* как основа аксиологии и *деятельностный* принцип. Основы символического интеракционизма можно обобщить как: 1) упор на взаимодействии между актором и миром; 2) актор и мир рассматриваются как динамические процессы, а не статичные структуры и 3) огромная важность придается способности актора интерпретировать мир [2, с. 238-239].

Наибольшее развитие символический интеракционализм получает в трудах Джорджа Герберта Мида, который основывает свою теорию на понятии *деятельности* и исходит из

приоритета социального перед индивидуальным. В теории Мида мыслящий индивид логически невозможен без первичности социальной группы, то есть социальная группа приоритетна, она приводит к развитию мыслительных процессов самосознания личности.

В ходе социальной деятельности коммуниканты используют в качестве важнейшего инструмента то, что Мид называет *жестом* – «стимулом, вызывающим социально принятые реакции второго организма», в частности, «значимым голосовым жестом» [12, с. 14]. Среди многообразия стимулов главным набором значащих символов выступает набор «голосовых жестов» – *язык*, удовлетворяющий определенному условию: «символ, который отвечает в конкретном случае на значение, возникающее у первого индивида, и который также вызывает значение у второго индивида. Там, где жест удовлетворяет этому условию, он стал тем, что мы называем «языком». Теперь он является значащим символом и несет определенный смысл» [11, с. 46]. Этот значащий символ – язык играет в теории Мида ведущую роль.

Исходя из философского прагматизма, Мид рассматривает «функции» языка – набора значащих символов как «приспособление» акторов к объекту их деятельности в социальном мире: «значащий символ обеспечивает гораздо больше возможностей для такого приспособления и исправления, чем незначащий жест, поскольку вызывает у производящего его индивида такое же отношение к этому... и позволяет ему в свете указанного отношения приспособить свое последующее поведение к поведению других» [11, с. 46]. Тем самым теория символического интеракционализма, объясняет, с одной стороны, каким образом благодаря своей способности мыслить коммуниканты могут создать в уме набор возможных реакций на ситуацию и выбрать альтернативные способы совершения вербального действия, в котором они участвуют. С другой, люди способны мысленно опробовать с помощью саморефлексии (внутреннего разговора с собой) различные варианты действия. Такое мысленное ‘опробование’ заставляет обратиться к сознанию говорящего, ср: *разум* определяется Мидом как процесс, как внутренний разговор человека со своим «Я», а не как объект [12].

Символические интеракционисты понимают *язык* как обширную систему символов. Слова являются символами, потому что они используются для обозначения вещей, слова делают все остальные символы возможными: действия, объекты и другие слова существуют и имеют значение только потому, что они уже были или могут быть описаны словами. Символы играют решающую роль в существовании человека как вида. Роль символа в том, что человек не пассивно откликается на реальность, которая навязывает себя, а активно создает и воссоздает мир, в котором он действует. Кроме этих общих характеристик символы в целом и язык в частности обладают для говорящего рядом специфических функций:

(1) символы дают возможность людям взаимодействовать с материальным и социальным миром, позволяя им навязывать, классифицировать и запоминать объекты, с которыми они

сталкиваются. Таким образом, люди способны упорядочить мир, который иначе был бы запутанным. Язык позволяет людям называть, классифицировать и особенно запоминать значительно эффективнее, чем они могли бы это делать с помощью символов другого рода, например изобразительных образов;

(2) они стимулируют человеческую способность постигать окружающую среду;

(3) символы улучшают способность мыслить (мышление с этой точки зрения понимается как символическая интеракция с самим собой [2, с. 262];

(4) символы повышают способность решать различные проблемы, осуществляя выбор;

(5) использование символов позволяет выходить за пределы времени, пространства и даже собственной личности (ср. концепция *принятия роли другого* [13]);

(6) символы позволяют представить метафизическую (вымышленную) реальность;

(7) символы в целом позволяют людям избегать «порабощения» их окружением, предоставляя им возможность управлять своими действиями.

Основные принципы символического интеракционизма [7], релевантные для анализа дискурса, сводятся к следующим:

1. Способность мыслить формируется социальным взаимодействием.

2. Значения и символы, позволяющие человеку осуществлять специфическую особенность мыслить, усваиваются, «конструируются» в социальном взаимодействии людей.

3. Значения и символы служат для осуществления характерных для человека действий и взаимодействий.

4. Люди способны модифицировать или изменять значения и символы, используемые ими в действии и социальном взаимодействии, на основе своей интерпретации ситуации.

5. Люди способны осуществлять эти модификации и изменения, отчасти благодаря способности саморефлексии, что позволяет им исследовать возможные направления действия, оценивать преимущества и издержки и осуществлять выбор.

Символический интеракционализм подчеркивает двустороннее воздействие человека и передаваемой информации. Такое понимание зиждется на том, что способность мыслить формируется и совершенствуется в процессе социального взаимодействия – *социализации*. Человеческая способность мыслить начинает развиваться на этапе социализации ребенка и совершенствуется на протяжении социализации взрослого человека. Взгляд символических интеракционистов на процесс социализации отличается от воззрений большинства других социологов [2, с.260]. В отличие от традиционных социологов, которые склонны рассматривать социализацию просто как процесс, в котором люди усваивают необходимое им для того, чтобы выжить в обществе (например, культуру, ролевые ожидания), с точки зрения символических интеракционистов, социализация – это процесс динамичный, позволяющий людям развивать

способность мыслить. Кроме того, социализация – это не просто однонаправленный процесс получения информации, но динамичный процесс формирования и приспособления информации к собственным потребностям говорящего.

Важность, придававшаяся символическими интеракционистами *мышлению*, отражается в их воззрениях на объекты. Блумер различает три типа объектов: физические, социальные и абстрактные, причем разные коммуниканты определяют их разными способами. Последнее приводит к ситуативной, реляционной точке зрения на значение, согласно которой разные объекты имеют для различных индивидов неодинаковые значения: «Дерево будет разным объектом для ботаника, лесоруба, поэта и садовода-любителя» [7, с. 11].

Интеракция трактуется символическими интеракционистами как процесс, в котором одновременно развивается и выражается способность мыслить [7, с. 8]. Интеракция всех видов, а не только интеракция во время социализации, совершенствует нашу способность мыслить. Кроме того, мышление формирует процесс интеракции. В языковой интеракции коммуниканты принимают во внимание других и решают, приспособлять ли им свои действия к другим людям и, если да, то каким образом.

Символические интеракционисты, вслед за Мидом, склонны приписывать социальной интеракции причинную значимость. Таким образом, *значение* формируется не в изолированных мыслительных процессах, оно не существует помимо человека, а создается им в интеракции [1, с.261]. Иными словами, «интеракционисты изучают то, как люди строят, *конструируют* (преимущественно дискусивно) собственные ситуативные версии общества» [1, с. 52]. Этот вывод вытекает из мидовского прагматизма: исследователь фокусировался на действии и взаимодействии, а не изолированных мыслительных процессах.

Символический интракционализм обеспечивает базу для *интеракционной модели коммуникации*, согласно которой коммуниканты конструируют смыслы в ходе ролевого взаимодействия с учетом социальных, психологических, этнокультурных параметров ситуации. Коммуникация трактуется при этом как «демонстрация смыслов, отнюдь не обязательно предназначенных для распознавания и интерпретации реципиентом» [1, с. 38]. Такой подход делает интеракционную модель релевантной для объяснения как прямой, так и не прямой вербальной коммуникации, в отличие от ее кодовой модели, восходящей к схеме Шеннона и Вивера «ввод информации → канал связи → вывод», в основном ограниченной эксплицитной, прямо переданной информацией.

В соответствии с пониманием вербальной коммуникации как взаимодействия в качестве единицы анализа интеракционная модель дискурса фокусирует внимание исследователя на обмене (exchange), называемом также элементарным взаимодействием (elementary interaction) [13],

смежной парой (adjacency pair) [12], шагом [1, с. 186; 5, с. 112]. Тем самым интеракционная модель акцентирует:

- взаимодействие коммуникантов в речевом общении, в ходе которого создаются и воспроизводятся системы ценностей и социальные отношения;
- ситуативную привязанность коммуникации;
- интерпретационный, конструируемый характер смыслов.

Каждая из моделей коммуникации – кодовая, инференционная, интеракционная – наиболее релевантна для объяснения определенных ситуаций общения и типов дискурса. Интеракционная модель, основанная на идеях символического интеракционализма, оказывается релевантной для объяснения прежде всего институциональных дискурсов, в частности, политического дискурса. Политический дискурс трактуется Е.И.Шейгал как «система коммуникации, имеющая реальное и потенциальное (виртуальное) измерение», как институциональное общение, обладающее собственным подязыком [6, 2000. с. 11-15]. При этом политический дискурс частично пересекается с другими типами дискурса – рекламным, бытовым, дискурсом массовой коммуникации, и др. Значение социализации коммуникантов для политического дискурса особенно велико: социальные и политические ценности индивида определяют его роль и цели в политической коммуникации, являющейся средством борьбы за власть. Особенно показательны в этом смысле дискурсы политических лидеров, в речи которых их политическая ориентация и ролевые ожидания проявляются в выборе стратегий и тактик общения. Так, по мнению Дж. Лакоффа, представители соперничающих партий США демонстрируют различия вербального поведения, которые соответствуют их ролям восходящим к психологическим архетипам ‘строгого отца’ и ‘заботливого родителя’ [10]. Не менее важной оказывается социализация для выбора языковых средств (лексических, фразеологических), характерных для речи политиков. Таковы общеизвестные клише, отличающие речевое поведение отдельных представителей власти: т.н. ‘бушизмы’, крылатые выражения, жаргонизмы и т.п.

Мышление, которое выдвигается интеракционистами на первый план, является одним из критериев определения особенностей политического дискурса. В частности, это различные частотные концепты, которые приобретают роль базовых культурных концептов в дискурсе определенной политической партии, отражая и формируя ее политическую программу. Такими являются (помимо общих, универсальных концептов типа ВЛАСТЬ, ПОЛИТИК) этноспецифичные, социально/политико обусловленные концепты, представляющие ведущие ценности политического дискурса: ДЕМОКРАТИЯ, МОНАРХИЯ, ШАРИАТ, ХРИСТИАНСТВО, РАВЕНСТВО, НАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ТЕРРОРИЗМ и пр. С одной стороны, такие концепты оказываются этноспецифичными в смысле их доминирования в дискурсах определенных политических партий, о чем свидетельствуют данные контент-анализа, социологических опросов

и под. (т.н. абсолютное варьирование). С другой стороны, эти концепты, употребляясь в дискурсах разных партий, получают различную оценку (тем самым акцентируя образную и ценностную составляющие культурного концепта) (т.н. относительное варьирование).

Интерес к взаимодействию, которое находится в фокусе интеракционистов, позволяет объяснить жанровые особенности политического дискурса – партийные программы, послания президентов, отчетные доклады (ориентационные жанры), отличающиеся от ритуальных жанров (инаугурационная речь) и агональных жанров (дебатов, рекламных лозунгов, интервью и т.п.). Взаимодействие раскрывает интенции говорящего и слушающего в политическом дискурсе, ведущие к формированию особого типа речевых актов политического дискурса – политических перформативов, т.е. актов доверия/недоверия, поддержки выбора требования обещания [6, с. 239]. Как правило, таким речевым актам соответствуют перформативные глаголы: *demand, issue, agree, claim* и др.

Для политического взаимодействия характерна категория манипулирования, определяющая особенности политического дискурса. При манипулировании «говорящий, отрезая слушателя от независимых источников информации, подталкивает его к ложным выводам», т.е. запутывает ситуацию [3, с. 9]. Манипулятивные стратегии различны для разных этносов и исторических периодов (см. обзор становления традиций риторики в: [3]), а также для отдельных политических партий в плане синхронии: ср. жесткие формы политической риторики республиканцев по сравнению с более мягкими формами демократов в современном политическом дискурсе США [10].

Суммируя сказанное, теория символического интеракционализма – взаимодействия групп и индивидов с помощью языка – предстает философской и социальной базой теории языкового взаимодействия и позволяет проследить её принципы в разных моделях коммуникации и применить их к изучению различных типов дискурса. Рассмотрение теоретических основ анализа дискурса перспективно продолжить в плане изучения школы социального конструктивизма в ее лингвистическом преломлении, что планируем сделать в следующей публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
2. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – Спб.: Питер, 2002. – 688 с.
3. Хазагеров Г.Г. Политическая риторика. – М.: Никколо-Медиа, 2002. – 313 с.
4. Шевченко И.С., Морозова Е.И. Дискурс как мыслекоммуникативное образование // Вісник Харків. нац. ун-ту. ім. В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33-38.
5. Шевченко И.С. Теория Юргена Хабермаса и критический анализа дискурса // Вісник ХНУ. – 2007. – № 773. – С. 12-15.

6. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. – М.-Волгоград: Перемена, 2000. – 368 с.
7. Blumer H. Symbolic Interactionism. – Englewood Cliffs, 1969.
8. Cooley C. Human Nature and the Social Order. – New York, 1964 (1902).
9. Dewey J. The Public and its Problems. – New York, 1927.
10. Lakoff G. Moral Politics. How Liberals and Conservatives Think. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 2002. – 471 p.
11. Mead G. H. Mind, Self and Society. – Chicago, 1934.
12. Mead G. H. The Individual and the Social Self. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1982.
13. Miller D. The Meaning of Role-Taking // Symbolic Interaction. – 1981. – V.4. – P. 167-175.
14. Sacks H., Schegloff E., Jefferson G. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation // Language. – 1974. – Vol. 50 (4). – Part I. – P. 696–735.
15. Sinclair J., Coulthard M. Towards an Analysis of Discourse: The English Used by Teachers and Pupils. – Oxford, 1975.

ТРИ ИСТОЧНИКА И СОСТАВНЫЕ ЧАСТИ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Возрастающий интерес современной лингвистики, социологии и смежных наук к дискурсу, отразившийся в большом количестве исследований и не меньшем – различных определений дискурса, требует уточнения принципов анализа дискурса. Когнитивно-коммуникативной (когнитивно-прагматической) парадигме лингвистики соответствует понимание дискурса как интегрального феномена, как мыслекоммуникативной деятельности, предстающей как совокупность процесса и результата и включающей как экстралингвистический, так и собственно лингвистический аспект, в котором помимо текста выделяется пресуппозиция и контекст (прагматический, социальный, когнитивный), обуславливающие выбор языковых средств [7, с. 38]. Дискурс в этой трактовке базируется, помимо собственно лингвистических теорий, на идеях философии, социологии, психологии, обобщенных в **критической теории** Ю. Хабермаса [11; 14; 15; 16], **теориях символического интеракционализма** Дж. Дьюи, Ч. Кули, Дж.Г. Мида, Г. Блумера [12; 10; 17; 9] и **социального конструктивизма** Дж. Шоттера и К. Джерджена, П. Бергера и Т. Лукмана и др. [18; 1], каждая из которых заслуживает отдельного обсуждения.

Составными частями теории дискурса являются:

- **Теория речевых актов** (Серль, Почепцов);
- **Конверсационные максимы и теория вежливости** (П. Грайс, Браун, Левинсон, Лич)
- **Теория интеракции (мена ролей)** (Sinclair, Coulthard 1975; Sacks, Schegloff, Jefferson 1974)